

Обвинения в расизме стали в США инструментом пропаганды

Обложка The New Yorker, февраль 1993

Советский плакат, 1964

Есть в русском фольклоре целый слой анекдотов об иностранцах в России, обыгрывающих разницу менталитетов. Вот мой фаворит. В ЦРУ подготовили высококвалифицированного шпиона, обучили его русскому языку и забросили в Россию. Вышел шпион из лесу, подошел к избушке, дай, говорит, бабушка, молока напиться.

— Да пей, милоч, у вас в Америке нет ведь натурального.

— ????

— Так ты же негр...

За это слово в Америке банят в социальных сетях и увольняют с работы. Оно

закрывает двери в приличное общество, как во времена маккартизма закрывались двери для всех заподозренных в коммунистических симпатиях.

50 лет прошло со времени радикальной победы Движения за гражданские права. Тем не менее в США еще существует дискриминация, и через полвека активного внедрения расовой, гендерной и всякой другой справедливости страна осознает себя обществом исчезающего среднего класса и растущей социальной пропасти. Очевидно, что элиты плохо справляются с решением системных проблем, теряют авторитет и влияние.

Во многом виной тому — культивирование жертвенности различных расово-гендерных групп. Обвинения в расизме стали одним из главных способов пропаганды. Усомнились в целесообразности зажима свободы слова в университетских кампусах — расисты. Протестуют против глобализации, уводящей за море рабочие места американцев, — расисты. Скептически относятся к бесконтрольной нелегальной иммиграции — расисты. Не устраивают либеральные политики идентичности — расисты.

Иностранцы студенты на демонстрации

Расизм, как и многие другие явления американской жизни, — уникальный феномен, укорененный в местной истории. Попытки навязать нарратив расизма другим народам являются худшим примером культурного империализма. Я жил одно время в Бразилии, где межрасовые отношения совершенно иные. Американские компатриоты, пытавшиеся навязать свои

понятия «аборигенам», выглядели бы глупо и смешно, почти как тот анекдотический иностранец в России, если бы их претензии не поддерживались местными выпускниками американских колледжей, грантами Госдепа и богатых НГО, а то и всей мощью американского государства. Такие же политики идентичности рулили, когда администрация Буша понесла «демократию и права человека» на Ближний Восток и в Афганистан.

Политики идентичности не действуют и на иммигрантские общины в самих Соединенных Штатах. Американские китайцы, японцы, корейцы, индийцы и другие выходцы из Юго-Восточной Азии имеют свои нарративы и в отношении «черных демонов», и по поводу «белых варваров», и относительно друг друга, что является откровенным расизмом. Но с американцами азиатского происхождения радикальные либералы предпочитают не связываться — и потому, что они небелые, и чтобы не дразнить страны их исхода, важные для либеральных сфер экономики. Голливуд, например, получает значительную часть своих доходов из Китая, а посему не позволяет себе ни малейшей критики китайского режима.

Мусульманские общины и вовсе вне критики. Исламофобия в США — серьезная проблема, но это не оправдывает [либеральную травлю Маджида Наваза, Аян Хирши Али и других мусульманских вольнодумцев.](#)

Белые иммигрантские общины куда более легкий объект для культурного империализма. Ведь белизна для многих — не просто цвет кожи, а основа системы незаслуженных привилегий, которыми белые наслаждаются по праву рождения. Эти привилегии надо отобрать и поделить, но пока этого не произошло, белым надлежит испытывать вину за свои привилегии, независимо от того, испытывают ли они расовую вражду.

Ицик Фефер, Поль Робсон и Соломон Михоэлс, 1943

Недавно находящийся под контролем демократов горсовет Лос-Анджелеса «закрыв Америку» — отменил в городе празднование Дня Колумба. Вместо него теперь будет «День коренных жителей». От протестов итало-американцев, считающих День Колумба признанием вклада их общины в строительство Америки, отмахнулись привычным обвинением в расизме.

Не остались без внимания и «русские». Нельзя сказать, что в нашей общине нет проблем с ксенофобией и отношением к нелегальным иммигрантам. Недавно известная в Нью-Йорке адвокат по иммиграции жаловалась мне, что даже своих «нелегалов» русскоязычная община не считает «своим делом».

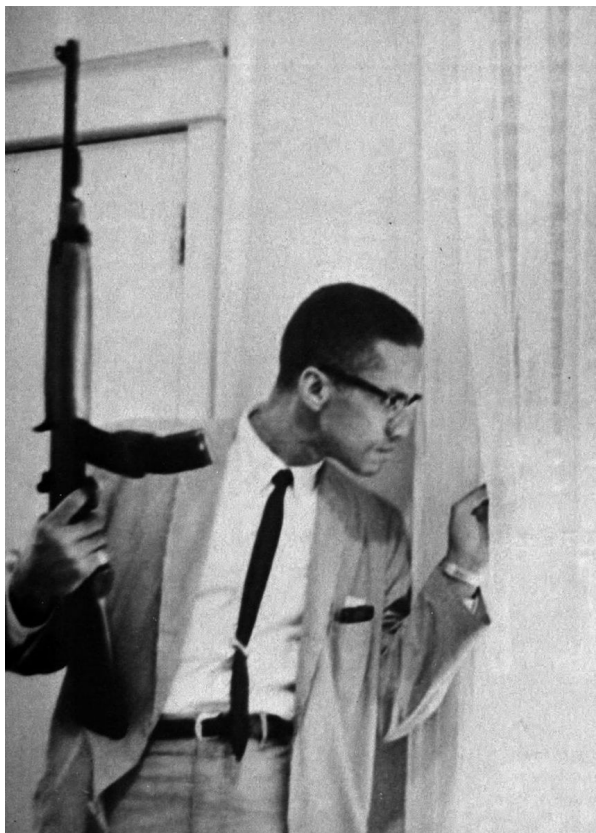
Я и сам их критиковал не раз. Но расизм — это, прежде всего, *политика властей*. Если американское рабовладение и жестокие законы Джима Кроу на Юге США в 1920 — 50 гг. — это расизм, и сиделки на скамейках на Брайтон Бич или кухонные разговоры находившихся под колпаком КГБ еврейских

отказников — тоже расизм, то страшное понятие расизма теряет всякий смысл.

Одним из примеров такой подмены понятий является статья историка из Огайо Максима Матусевича [«Красное и черное: Загадки постсоветского расизма»](#) на израильском леволиберальном сайте РеЛевант.

«Для ... части советской интеллигенции нескончаемые обличения расизма были неотделимы от презираемой ими государственной идеологии, — пишет автор. — Это презрение нередко переносилось на объекты заботы советских идеологов, то есть на цветное население третьего мира».

Статья написана широкими постмодернистскими мазками, свободно смешивающими расизм с бытовой ксенофобией, диссидентов с еврейскими отказниками и постсоветской иммиграцией.

Малкольм Икс

Анджела Дэвис с Валентиной Терешковой

Автор не приводит ссылок на исследования и архивы, которые цитирует. Но мне и не нужны архивы, чтобы оценить масштаб враждебности к «цветным» в СССР. У нас во Львовском мединституте целый корпус общежития был отведен для африканских и латиноамериканских студентов. Я часто ходил

туда, дружил с ними, даже ухаживал за студенткой из Кении. Они сидели там, как в осаде. Уже после моего отъезда из СССР студентов так достали, что около полутора сот человек отправились в Москву, где устроили демонстрации протеста у посольств своих стран с требованием защитить их. Но точно так же относилась шпана и к кавказцам, да и между соседними дворами шла порой ожесточенная уличная война.

Вся эта патриархальная бытовая ксенофобия не имеет прямого отношения ни к советской власти, ни к еврейской иммиграции, ни к американскому расизму.

Не имеет она отношения и к неоднородному диссидентскому движению, где были и социалисты, и националисты, и монархисты, и сионисты, и фашисты, и представители всех религиозных течений. Статья Матусевича представляет их «расизм» идеологически подкрепленным, что-то вроде современных американских Alt Right.

«Западные борцы за социальную и расовую справедливость воспринимались скептически, представлялись эдакими «полезными идиотами» и пособниками гнобящей диссидентов и евреев советской власти».

История Поля Робсона, чье фото украшает статью, демонстрирует, что все было сложнее. Этот великий американский певец и общественный деятель пользовался в кругах советских евреев огромной любовью, а пластинки с еврейскими песнями в его исполнении хранились как реликвии. О его мужестве ходили легенды — не о том, как гордо он стоял против маккартизма, а о том, как не поддавался давлению советских властей и пел на идише в Зале им. Чайковского в самую глухую пору государственного антисемитизма.

Я сам попал в отказ и одно время общался со столичными диссидентами, отказниками. Их есть за что критиковать, однако попытка пришить к ним американское понятие «расизма» выглядит недопустимым для историка анахронизмом. Утверждения о «расизме» советской власти тоже выглядят, как седло на корове. В русском научном, правовом и политическом обороте давно существует понятие «великодержавный шовинизм».

Расовые беспорядки в Краун-Хейтс, 1991

Как в плохом анекдоте, в статье появляется тот самый анекдотический иностранец, приехавший в Россию. Здесь это неназванный профессор, помогавший евреям уехать из СССР, человек, симпатизирующий русскоязычным евреям и любящий их обильно заправленные майонезом закуски. При этом лирический герой вопрошает автора: «Почему они такие расисты?». Все это очень похоже на перелицованный исторический анекдот про Вильгельма Гумбольдта. Этот немецкий просветитель сделал очень много для эмансипации евреев, а в конце жизни признался, что очень любит еврейский народ, но его конкретные представители такие сволочи. Тогда это было смешно, а сегодня является классическим примером антисемитизма.

В статье появляется и «бывшая среднестатистическая филармоническая дама из Ленинграда, а ныне благополучная бостонская пенсионерка», чье высказывание о президенте Обаме политкорректная редакция отказывается цитировать...

На самом деле история взаимоотношений бывших советских евреев и афроамериканцев совсем непроста. Я помню рассказы первопоселенцев Брайтон Бич о том, какие они терпели оскорбления, приставания и

преследования от местных банд из темнокожего населения. Нью-Йорк тогда пустел и превращался в трущобы, и никто не верил, что он сможет подняться. Слышал я и рассказы о русской мафии, защищавшей район не только от банд, но и от жадности хозяев квартир и бизнесов, пытавшихся сделать легкие барыши, поднимая арендную плату в районе, где, благодаря «русским» иммигрантам, улучшалось качество жизни. Похожие истории я слышал и в Филадельфии, и в Цинциннати, и в Бостоне, где живет любящий закуски в майонезе профессор.

Отношение «русских» к своим темнокожим соседям не сильно отличается от отношения американских евреев. Сколько раз я слышал «эти шварцэ» за кухонным столом нью-йоркских либералов. Сколько видел еврейских борцов за расовую справедливость, сбежавших в уютные консервативные и расистские пригороды от своих афроамериканских соседей. После расовых беспорядков и принятия Акта о гражданских правах в 1960 — 70х гг. произошел массовый «белый исход» из неблагополучных городов в пригороды, куда доступ афроамериканцев был затруднен расистскими ограничениями и дискриминационными бизнес-практиками риэлторов и банков.

В результате борьбы за гражданские права в 1968 году в Нью-Йорке был создан новый преимущественно афроамериканский школьный округ Ошен Хиллс — Бронсвилл. Школьный совет округа сразу уволил белых учителей, в основном евреев. За уволенных вступился профсоюз, руководство которого тоже было преимущественно еврейским.

Забастовки продолжались полгода, конфликт быстро приобрел расово-этнический характер. Афроамериканцы обвиняли профсоюз в расизме, не стесняясь самых диких антисемитских оскорблений. Левые еврей-профсоюзники, еще недавно шагавшие вместе с афроамериканцами на демонстрациях за гражданские права, тоже вели себя не политкорректно. Правда, тогда еще не было этого слова. Да и отношения были совсем иные. Мне как-то попался старый номер коммунистической газеты «Daily Worker» со статьей Анджелы Дэвис на смерть известного борца за гражданские права Малкольма Икс. Он принял ислам и был убит в разборках со своими новыми друзьями из Нации ислама. Афроамериканка Дэвис называла его гангстером и черным фашистом — жил мечом, от меча и погиб. Сегодня подобные откровения немыслимы.

Забастовка учителей 1968-го надолго отравила отношения между евреями и афроамериканцами. Учителя победили, но был запущен процесс «исправляющей дискриминации», в результате которого в самом еврейском вузе США — Колумбийском университете — процент евреев среди преподавателей снизился с 35 в 1960-х годах до нынешних 15-ти. Похожая картина даже в Барух Колледж, созданном в 1919 году как убежище для еврейских студентов и профессоров, которых не принимали на работу из-за антисемитизма.

Не изжилась память о массовых беспорядках и нападениях на хасидские кварталы в бруклинском Краун-Хейтс в 1991-м. И здесь, как бывает между соседями, нет правых и виноватых, но в итоге отношения оказываются надолго испорченными.

Во время предвыборной кампании 2016 года я работал в штабе сенатора Берни Сандерса и такого антисемитского бреда, как от афроамериканских активистов Демократической партии за все годы в Америке никогда не слышал.

Несколько месяцев назад еврейская группа лесбиянок была изгнана из Прайда в Чикаго лишь за то, что на их флаге изображена шестиконечная звезда. При этом на параде несли флаги Саудовской Аравии, где казнят геев и существует настоящий апартеид. Были там и флаги режима Асада, осуществляющего крупнейшую в истории Ближнего Востока этническую

чистку.

Я придерживаюсь леволиберальных убеждений и поддерживаю борьбу за интерсекциональную справедливость, однако все больше и больше сталкиваюсь с проявлениями вражды как белый и израильтянин.

Мои впечатления подтверждают и ежегодные отчеты Антидиффамационной лиги, фиксирующие куда более высокий уровень антисемитизма среди расовых меньшинств, чем среди белых американцев. Видный либеральный деятель, сторонник и близкий друг четы Клинтон профессор Алан Дершовиц даже назвал интерсекционализм синонимом антисемитизма.

Еврейские и афроамериканские активисты на демонстрации в защиту гражданских прав

Я сам в свое время ввел в русскоязычный оборот в Израиле понятие «расизма», когда помог группе подростков «[Русские пантеры в Израиле против расизма](#)». В отличие от либеральных авторов РеЛеванта школьники подчеркивали, что расизм — это не страна и не общество, а политика властей, игнорировавших насилие на этнической почве и другие специфические проблемы русскоязычных детей-олим.

Правление Барака Обамы, разыгрывавшего расовую карту, а затем избрание Дональда Трампа не породило, а лишь обнажило сложные расовые, этнические и социальные противоречия, накапливавшиеся в течение полувека. Расизм вместе с фашизмом стал ключевым словом либеральной пропаганды, агитации и электоральной стратегии.

Может быть, Максиму Матусевичу, специализировавшемуся на африканской теме в советском агитпропе, стоит рассказать своим американским коллегам о том, как потеряла престиж советская антирасистская пропаганда, отвечавшая на критику тем, что в Америке вешают людей, чей тогдашний этноним сегодня считается неполиткорректным...

Михаэль Дорфман, специально для «Хадашот»